

ПОДЛИННИК

рассказ

Дмитрий
ТАРАСОВ

г. Санкт-Петербург

1

Знакомым путем по анфиладе залов двигался впотьмах с величайшей осторожностью кот. Мягкие лапы бесшумно ступали по паркету — шаг на светлую половицу, шаг на темную, снова на светлую, — и вдруг остановка, уши торчком, усы шевелятся, будто опасность какая-то впереди. Там, за итальянской вазой восемнадцатого века, словно бы шорохи раздаются. Кот обошел вазу кругом и понял, что это легкий сквозняк, сбив его с толку, пробежался по шторам и замер. И опять тишина, и опять, крадучись, он идет дальше.

Вот Павильонный зал. Даже теперь, ночью, здесь светло от белизны мраморных стен. Не журчит вода в отреставрированных «бахчисарайских фонтанах», не орет психованный павлин, которому за его вопли хорошо было бы все перья повывернуть. И вообще, не то что днем, когда от людей теснота ужасная и из-за шума не разберешь, где подошвы шуршат по паркету, а где мышьяная возня. Кстати, тут ошибочка вышла: не паркет, а древнеримская мозаика... Тьфу, совсем запутался от обилия, как говорят экскурсоводы, культурных ценностей: это копия мозаики, найденной в окрестностях Рима. А почему запутался — непонятно, поскольку они, копии с оригиналами, даже пахнут по-разному.

Кот вышел из Павильонного зала и оказался возле лестницы. Вниз ему было не надо, потому что весь первый этаж давно изучен, а вот к

«итальянцам» с «голландцами» еще следовало присмотреться. И те и другие во времена Средневековья делили свое жилище с мышами да крысами, для которых без разницы что амбары купцов, что покои знати, что торговые ряды, что мастерские художников. Там-то грызунов искать и нужно. Только вот куда сначала пойти?.. Вчера был в вытянутой (говорят, в точности как в Ватикане) Рафаэлевой галерее. Никаких результатов. Хотя надежды имелись, недаром же до сих пор в ходу выражение «церковная мышь». Или тут какая-то неразбериха со смыслом?.. То же, что и в галерее, в соседних «итальянских» залах: Богоматери, младенцы, грешники и святые, которых так жаловали художники и к которым хвостатые совершенно равнодушны. Да и откуда взяться у них интересу, когда на уме одно — набить пузо черт знает чем?

Кот направился направо от лестницы. Зал Рембрандта прошел, на картины даже не взглянув. Знал уже, что ничего, кроме мрачности с претензией на философию, он здесь не увидит. А вот дальше — интереснее. Рубенс, конечно, великолепен! Торжество плоти и всего живого и аппетитного. Один только толстобрюхий женоподобный Вакх чего стоит! Йорданс тоже неплох. Сразу видно, что фламандская школа. А лучше всех, без сомнения, Снейдерс. Если уж дичь так дичь — от настоящей не отличишь, а если рыба, то у любого кота слюнки потекут. О мышах и говорить не приходится, этим все равно что за щеки набивать, хоть мясо, хоть труху. Оттого, наверное, и вид у них такой мерзкий.

Возле картины «Рыбная лавка», особенно им любимой, кот остановился. От работы было не отвести взгляда: камбалы и шуки, угри и карпы, устрицы и миноги, омары и крабы переплелись в каком-то буйстве подводного мира. При этом, однако же, лежали на прилавке, а те, что туда не поместились, валялись прямо на полу. Был там и серый кот, который оскалился на тюленя, а тот, в свою очередь, на кота. За исключением этой неприятной сцены, обижавшей весь кошачий род, все остальное было прекрасно. Казалось, чем ближе подходишь к полотну, тем явственнее становится густой запах рыбной лавки. Это вам не какой-нибудь кошачий корм!

Отчасти из-за того, чтобы не искушать себя изобилием снеди, отчасти потому, чтобы не

спугнуть не нарисованных, а живых зверьков, кот занял позицию в отдалении от картины. Прошло и пять минут, и десять, и целый час, а он так и сидел без добычи. Терпения, однако, ему было не занимать, и он приготовился к долгой охоте. А что главное на охоте? Нюх да слух. Остальное — от лукавого. Взять, к примеру, эти дурацкие капканы с приманками, что так любимы многими крысоловами. Они превращают священное действо в браконьерский промысел. Только задарма изводишь сыр и колбасу. Да и какие капканы могут быть в Эрмитаже?..

Тут до его слуха донеслось очень далекое и приглушенное «дзинь-дзинь!», и сразу стало ясно, что это в витринах Рыцарского зала, отдаваясь на чьи-то шаги, позвякивают доспехи конных и пеших. И хотя сами шаги еще слышны не были, кот не сомневался, что ночная стража делает обход территории музея. Сейчас они минуют рыцарей, пройдут двенадцатиколонным залом и, свернув направо, окажутся аккуратно в зале Снейдерса. Какая из лавок художника их привлечет — овощная, рыбная, птичья? Да плевать они хотели на искусство! А вот честный охотник за мышами — это как раз по их части.

Кот бросился наутек. Мелькала слева и справа фламандская живопись, французская, немецкая, мелькали вазы, статуи, колонны, пока он не оказался у знакомой отдушины, закрытой бронзовой фигурной решеткой. По чьей-то нерадивости, скорее всего, работников, занимавшихся реконструкцией технических систем, решетка не была полностью прикручена к стене, и кот, вытянувшись всем телом, протиснулся в узкую щель. Отсюда начиналась вентиляционная шахта, сделанная еще в XIX веке и до сих пор исправно служившая для вытяжки нагретого воздуха. Здесь было темно и сыро, а на поверхности труб скопилась копоть. Но каждый изгиб, каждый поворот воздуховода был знаком, тем более что глаза, как у всех кошачьих, отлично видели впотьмах.

Двигаться было несложно, поскольку в этом месте труба шла параллельно полу, мешал лишь бивший в нос едкий запах сажи. Вскоре он добрался до узкого колена из меди, соединявшего вентиляционный канал с отопительным. Очевидно, по той же нерадивости заслонка, которая перекрывала соединение, была распахнута. Кот

снова сжался до предела и очутился в широком коллекторе, устремлявшемся куда-то вниз. Наклон был такой крутой, что ему приходилось тормозить всеми четырьмя лапами, а иногда, раскорячившись, цепляться за стенки трубы. Его усилия все равно были бы тщетны, если бы не встречный поток горячего воздуха. Правда, из-за этого шерсть вставала дыбом, и гудело кругом так, как, наверное, должно было гудеть на «Страшном суде» неизвестного мастера, что висит где-то на втором этаже среди «немцев».

Как бы он ни силился затормозить, тем не менее вылетел наружу кубарем. Встряхнулся от ушей до хвоста, глаза наконец-то открыл и сел посреди подвала на каменный пол. Когда в голове перестало шуметь и улеглась дрожь в теле, он направился вдоль труб, расположенных одна над другой. Уже приближаясь к кошачьему жилищу, он ради забавы запрыгнул на верхнюю трубу и так и проществовал на глазах у сородичей. Те побаивались его забав и его неуступчивости в спорах и драках. Поэтому и место у него было элитное — там, где лестница упирается в стену, образуя небольшой бельэтаж. Уставший после охраны музейных ценностей и долгой дороги домой, он забрался в коробку из-под обуви, которую предпочитал специальным корзинам для котом, и мгновенно уснул.

Анна Петровна, молодой врач-ветеринар, несла две коробки с сухим кормом, положенные одна на другую. Рядом с такой же коробкой в руках шла Зина — женщина маленькая и худая, даром что работала на кухне.

— Анна Петровна, давайте я вам помогу, — то и дело предлагала она.

— Я же просила — просто Анна.

— Да, Анна... Так я помогу?

— Спасибо, сама справлюсь.

— Но это же мое дело — кормить, а ваше — лечить...

— Незачем, Зина, делить дело на части.

Спустились в подвал. Зина щелкнула выключателем, и сразу несколько ламп дневного света вспыхнули под низким потолком длинного и узкого помещения, и зашевелились в своих корзинах разномастные четвероногие, и запрыгали на пол, устремившись, вышколенные, каждый к собственной миске.

— Как прошла ночь? — поинтересовалась, словно у бабушек в больнице, ветеринар Анна, а Зина ласковым голосом пропела:

— Эрмики-эрмики-эрмики.

Неизвестно, с каких пор повелось, скорее всего, с тех, когда во дворце появился музей, но местных котом называли здесь не иначе как эрмиками. И в городе, и даже за его пределами их прозвище прижилось, и некоторые думали, будто вывели в Эрмитаже какую-то особую породу, знающую толк не только в кошачьих делах, но и в живописи, скульптуре и во всех направлениях современного искусства. В действительности коты были самые обыкновенные. Их подбирали на улице работники музея, их подбрасывали к дверям Эрмитажа, а иные в поисках крова и пропитания приходили сами. За ними был постоянный контроль, чтобы число голов не превышало пятидесяти, в противном случае кошачий прайд становился неуправляем. Мало того, обитатели подвалов числились внештатными сотрудниками музея, имели ветеринарные карточки, лечащего врача и трехразовое питание.

— Эрмики, — еще раз громко позвала Зина, и тогда самые ленивые, что любили спать наверху, нежа тело на отопительных трубах, даже они потянулись к кормежке.

Пока Зина насыпала сухой корм в миски, Анна села за стол, надела очки, отчего приняла вид ученого за серьезной работой. Не будучи по натуре «начальницей» и зная за собою этот, как ей казалось, недостаток, она порой с умыслом, а иногда непроизвольно напускала на себя строгость. Изредка поглядывая поверх очков на кошачье племя, она листала медицинский журнал со множеством таблиц, записывала туда какие-то цифры и вдруг с озабоченным видом произнесла:

— Что-то не вижу нашего черного.

— Седерса? — откликнулась Зина.

— Снейдерса, — с некоторым укором поправила Анна, уже полностью войдя в роль требовательного врача. — Но дело в другом: где он находится?

— Да где ж ему быть, как не в своей любимой коробке? Сейчас гляну.

Вскоре Зина вернулась, а следом неохотно вышагивал кот, по виду то ли больной, то ли невыспавшийся.

— Здоров ли ты, милый? — с тревогой спросила ветеринар, и, поскольку кот даже не мяукнул, она пристально на него посмотрела.

— Зина, да он же черный!

— Так и был черный, масть такая.

— Нет, он весь в какой-то саже.

Тут и Зина к нему присмотрелась. И хотя окрас Снейдерса, казалось бы, мог скрыть любую грязь, угольно-густые полосы были вполне различимы, особенно на белом нагрудном пятне наподобие медальона и белых же носочках на лапах.

— Чумазый, — Зина взяла его на руки. — А ты знаешь, что, перед тем как садиться за стол, нужно мыться? Пойдем-ка со мной.

Едва дверь за Зиной закрылась, как с другой стороны, откуда начиналась анфилада подвальных помещений, появилась старенькая уборщица. Она медленно приближалась и вдруг поставила ведро со шваброй на пол, развела руками:

— А я думала, вы уже покушали.

— Галина Ивановна, подождите немного, — Анна закончила заполнять журнал и отодвинула его на край стола.

— Подожду, куда мне спешить? Им тоже спешить незачем, крысоловам-то нашим... Ешь, хорошая, ешь, — она погладила серую кошку с острыми ушами и, продолжая гладить, начала издали и словно бы сама с собою: — Сутки сегодня отработала, подменяла Веру Сергевну по причине ее болезни. Закончила, значит, наверху, в подвал спустилась. И вдруг шум, грохот какой-то. Я-то вдали различаю хорошо и вижу, что сидит на полу наш черный, отряхивается. И пошел потом, пошатываясь, точно пьяный... Вот сейчас освободилась, пришла узнать, как он там, горемычный...

— Его Зина в душ понесла, — сухо ответила ветеринар. Поджав губы, она постучала авторучкой по столу и неожиданно отбросила ее в сторону. — Это черт знает что! Сколько можно терпеть?!

С год примерно назад охрана заметила кота в музейных залах. Обнаружить его среди экспонатов, которые не дай бог заденешь, было непорочно, однако же поймали — во фламандском зале рядом с работами Снейдерса. Тогда-то Снейдерсом он и стал. Если не считать легкой трепки от охранников, кот избежал наказаний (правда, дырку в подвальной трубе, через кото-

рую Снейдерс проник в музей, нашли и заделали). Да и как его накажешь? Запереть, лишить обеда, выгнать на улицу... Ветеринар Анна была против подобных методов и под личную ответственность оставила кота в Эрмитаже. С тех пор он ее не подводил. Как и другие эрмики, исключительно в подвалах имитировал охоту на несуществующих крыс.

— Теперь никакого прощения, — Анна снова взяла ручку и начала быстро и размашисто писать в журнале.

Вернувшаяся Зина на руках со Снейдерсом, мокрым и выглядевшим довольно жалко, застала котов уже на местах, а уборщицу за мытьем полов, ведь трапеза эрмиков никогда не отличалась аккуратностью.

— А где Анна Петровна?

— Сказала, к начальству пошла. Вроде насчет этого, — уборщица кивнула на Снейдерса, который, спрыгнув вниз, трясясь всем телом, отчего в разные стороны летели фонтаны брызг.

2

Огромная квартира в доме на углу Владимирского проспекта и Колокольной улицы досталась Кириллу Михайловичу по наследству от отца. Тот в свое время был известным в городе профессором медицины, и советские власти сочли возможным, чтобы доктор жил в привилегированных условиях.

Казалось бы, всего три комнаты, но каждая по размеру вполне сошла бы за отдельную квартиру. Даже самая маленькая из них вмещала обширную библиотеку, где были книги преимущественно двух разновидностей: медицинские, оставшиеся от отца, и исторические труды вперемежку с романами. Теперь здесь был кабинет Кирилла Михайловича, историка по образованию, который служил в Российской национальной библиотеке и, кроме того, подрабатывал в издательстве тем, что писал синопсисы и вступительные статьи к книгам самого разного содержания и уровня образованности авторов.

Его жена, Елена Саввична, раньше работала в РНБ вместе с мужем, но, выйдя несколько лет назад на пенсию, сейчас занималась до-

машным хозяйством. Собственно, заниматься-то было особо нечем ввиду налаженного быта, скромных запросов хозяев, а также интересов самой Елены Саввичны, среди которых кухня и уборка не значились. Короче говоря, дома она не находила себе занятие и скучала. Не помогали даже любимые книги, почти все прочитанные, некоторые не по одному разу, а к новым именам Елена Саввична относилась с подозрением, считая, что литература закончилась еще в начале прошлого века.

Изредка они ходили в театр, в музеи, в гости, но в основном Кирилл Михайлович по вечерам сидел в кабинете за работой, где зачастую и ложился спать, расстелив постель на кожаном, еще «профессорском», диване. В другие дни они ужинали или пили чай в гостиной, правда, и тогда Елене Саввичне было скучно. Муж поддерживал беседу вяло, иногда не отвечая на вопросы или отвечая невпопад. Она знала, что его отвлекает: заковыристая фраза для очередного панегирика классику; увлекательный спор с автором, чьи взгляды он не разделял в своем эссе; ускользающая мысль, которая, облекшись в слова, должна была стать ярким финалом статьи для исторического журнала...

Когда его «невпопады» совмещались с ее плохим настроением, начинался один и тот же разговор.

— Федор Михайлович Достоевский, имея перед собой такой же вид, писал эпохальные романы, — она смотрела в широкое окно гостиной, где были видны купола Владимирского собора и отдельно стоявшая высоченная колокольня.

— Он глядел с противоположной стороны, — отшучивался Кирилл Михайлович, однако жена была настроена решительно:

— Эпохальные романы! Что в сравнении с ним твое, с позволения сказать, творчество?

— Я, между прочим, зарабатываю деньги для семьи.

— Лучше жить в бедности, как жили многие из великих, чем всю жизнь рыться в архивах и чужих текстах.

— Ты ничего не понимаешь! — взрывался он и даже мог вскочить со стула. — Это сложная, ответственная и очень нужная работа!

— Ха-ха-ха, — не смеялась, а именно говорила Елена Саввична. — Кому она нужна? Тем

так называемым авторам, которых ты сам за глаза именуешь...

— Стоп! — кричал он.

И она, сменив тональность, начинала вспоминать:

— Какие рассказы ты писал в молодости... Боже, какие рассказы! Особенно тот, который напечатал в «Новом мире», о человеческом одиночестве...

— Знаешь, чего я сейчас больше всего хочу? Именно одиночества!

С этими словами он уходил и, хлопнув дверью, запирался в кабинете. И снова проводил там ночь, и снова при всякой попытке жены устроить посиделки в гостиной у него находились десятки отговорок, лишь бы не возвращаться к этому бессмысленному спору.

Однажды, будучи в хорошем расположении духа, Кирилл Михайлович выслушал рассказ жены о том, как она вместе с подругой побывала в Эрмитаже. Так же благосклонно он отнесся и к следующему повествованию, из коего следовало, что подруга взяла домой одного из эрмиков. Он поинтересовался:

— А кто это такие?

Выслушав объяснение жены, он собрался было идти в кабинет, чтобы работать над предисловием, с которым его уже несколько дней торопили, как вдруг Елена Саввична остановила его поразительным заявлением:

— Я тоже решила завести эрмика.

Сначала он посмотрел на нее с удивлением, а затем рассмеялся:

— Давай купим календарь с котиками, вот и будешь любоваться.

— Кир! — Иногда она так к нему обращалась. — Я сама не очень люблю домашних животных. Но, пойми, одно дело — обычный кот и совсем другое — эрмитажный.

— Какая же между ними разница, позвольте узнать? И те и другие гадят, и от тех и от других шерсть, запах и прочие «радости».

Елена Саввична произнесла с воодушевлением:

— Все зависит от того, в каких условиях воспитывалось животное. У тех, кто рос в Эрмитаже, еще нам с тобой надо будет поучиться и манерам, и общей культуре.

Понять сказанное женою было не в его силах.

И он долго сидел, глядя в пол и постукивая чайной ложечкой по стакану, прежде чем начал медленным голосом говорить:

— У нас в доме никогда не было котов, собак, хомячков, морских свинок... Отец говорил, что животные должны жить в природе, либо в крестьянском хозяйстве, либо содержаться в зоопарке. Но даже зоопарк для них неволя. Я был там несколько раз в детстве и помню, как мне было стыдно смотреть на этих несчастных существ в клетках. Больше я туда не ходил... Теперь, надеюсь, ты понимаешь мое отношение к твоей затее?

Елена Саввична не понимала. Мало того, она пустилась в рассуждения о том, что раз у них нет детей, то кот будет им вместо ребенка, что он внесет в их жизнь разнообразие и радость и, в конце концов, станет членом семьи.

Ничем, кроме недопитого чая, недоеденного на середине куска торта, а также взаимных упреков, этот вечер закончиться не мог. Кирилл Михайлович удалился к своему предисловию, а Елена Саввична отправилась в спальню, где, как всегда, ее ждали книги и одиночество. Правда, теперь добавилась еще и мечта — пушистая, с хвостиком, прекрасно разбирающаяся в живописи.

В большом кошачьем подвале, протяженность которого, по словам музейщиков, составляла почти двадцать километров, были укромные места, по большей части для служебного пользования. Коты, однако, и туда проникали, так что зачастую уборщица вытаскивала из ведра какого-нибудь серого, а мастер компьютерных дел с брезгливостью сгонял какого-нибудь рыжего с клавиатуры. При всем том была комната, куда коты отнюдь не стремились. В помещении, по меркам подвала довольно большом, проходили смотрины. Ловцы мышей — кто нахально, кто с равнодушием — наблюдали за потенциальными хозяевами, а те в свою очередь переводили жадные взгляды с одного на второго, со второго на третьего, сравнивая оттенки шерсти, длину хвостов и размеры ушей. Никому из эрмиков не нравилось столь пристальное внимание, вдобавок они отлично знали, с какой целью их рассматривают. А кто захочет менять дворец на однушку, двушку, трешку?..

В отличие от всех предыдущих смотрин, сегодня от эрмиков был представлен лишь один кот черной масти, а именно Снейдерс. На то и наказание, чтобы без друзей, в одиночестве, точно на рынке живого товара.

Претендентов было трое. Все они заполнили анкеты, после чего начали по очереди присаживаться за стол к Анне Петровне, по обоим сторонам от которой расположились две молоденькие девушки — волонтеры, как представила их кошачий доктор.

Первой была пожилая женщина в затрапезном коричневом пальто, с глубокими морщинами вдоль щек и грустными глазами, тем не менее пытавшаяся все время улыбаться, отчего обнажались ее неполные ряды желтоватых зубов. Разговор с нею получился коротким и, судя по тому, что она перестала улыбаться, не слишком для нее радостным. Следом за старушкой перед комиссией предстала студенческая пара. Эти пробыли гораздо дольше. Юноша старался казаться старше своих лет и на вопросы отвечал обстоятельно, понижая голос и то и дело откашливаясь, тогда как его спутница завершала всякую фразу, о чем бы ее ни спросили, молодым и беззаботным смехом.

Кирилл Михайлович с Еленой Саввичной оказались последними. Они приехали на такси, и всю дорогу до Эрмитажа Кирилл Михайлович промолчал, всем своим видом показывая, что он лишь сторонний наблюдатель, что если уж жена захотела кота, то пускай сама с ним и разбирается. С него достаточно ее патетических, а временами и слезливых речей, которые он вынужден был выслушивать в течение последних дней...

— Вы живете в отдельной квартире? — спросила Анна и сейчас же получила заверения, что более отдельной квартиры, чем у них, во всем городе не сыскать.

— Есть ли у вас дети, внуки? — продолжала по своей методичке ветеринар.

— Бог не дал, — будто в церкви ответила Елена Саввична.

— В состоянии ли вы содержать домашнее животное?

Тут впервые вмешался в разговор Кирилл Михайлович:

— Мы можем содержать даже нескольких,

если в том будет нужда, — он с явной иронией покосился на жену. — Я работаю на двух работах, жена получает пенсию. Так что...

На последующие вопросы, не собираются ли они животное передаривать, куда его денут во время отпуска, чем будут кормить и соблюдается ли у них дома гигиена, — Елена Саввична отвечала с деловитостью опытной заводчицы котов, а именно так, как ее научила подруга.

Когда ситуация была окончательно решена в их пользу, Кирилл Михайлович из чистого любопытства спросил, почему они получили преимущество перед другими кандидатами, на что получил моментальный ответ:

— Мы отдаем котов только в надежные руки.

Будучи сторонником конкретных фактов, он все-таки решил уточнить, и на этот раз, понизив голос, ветеринар сказала:

— Бабушка живет на маленькую пенсию в коммуналке. Куда ей еще и кота? А у ребят съемное жилье.

Поскольку не в ее правилах было ругать своих питомцев, она не стала рассказывать о похождениях эрмика. Правда, объяснений, по какой причине его зовут Снейдерс, было никак не избежать.

— Понимаете, у нас такая специфика, что многие носят имена художников. Вот он, — она показала на сумку-переноску, предусмотрительно купленную Еленой Саввичной, куда эрмика аккуратно поместили волонтеры, — любит, как бы смешно это вам ни показалось, фламандское искусство, в особенности Снейдерса.

— Вы нас обижаете, — Елена Саввична за чем-то погладила пластмассовую переноску. — Мы хорошо понимаем, что берем не обычного кота, а, можно сказать, искусствоведа.

Давая понять, что несколько преувеличивает, она мягко улыбнулась, в то время как Кирилл Михайлович едва справился, чтобы не рассмеяться от таких милых женских глупостей.

В завершение Анна сказала, что к ним через какое-то время придут волонтеры, чтобы убедиться, насколько хорошо чувствует себя эрмик на новом месте.

— Вы не сердитесь, таковы правила. Кстати, познакомьтесь с нашими волонтерами — Вика и Ксюша.

Девушки встали и поочередно пожали руку Кириллу Михайловичу и Елене Саввичне. Вика, та, что была чуть повыше напарницы и в отличие от нее носила длинные распущенные волосы, взяла переноску, а Ксюша, по виду более бойкая и глазастая, пояснила:

— Мы вас проводим, а то здесь такие лабиринты, что сами иногда путаемся.

3

Кто жил в бесконечных подвалах Эрмитажа, гулял в его внутренних двориках, да и в дворцовые анфилады наведывался, — тому сущей малостью покажутся любые три комнаты, даже в придачу с прихожей, туалетом, ванной и эркером. Правда, эркер у них всегда закрыт то ли из-за ветреной погоды, то ли потому, что боятся кошачьих шалостей. Хотя о каких шалостях речь? Изучать тут, собственно, нечего... Тем не менее надо же хоть чем-то себя занять.

Начал кот от входной двери. В прихожей, да-ром что просторной, горела только одна лампочка в безвкусной люстре с пластиковыми подвесками. Но коту свет без надобности. Горят в полумраке его глаза цвета утренней зари, шерсть, как всегда в незнакомой обстановке, взерошена, да едва заметно шевелится нос, ловя малейшие движения воздуха...

Где находится вешалка, он понял по смешению взаимоисключающих запахов — свежего уличного от верхней одежды и кисло-сладко-мерзкого от обуви. На крючке, издавая шерстяной дух, тяжело висело длиннополое черное пальто Кирилла Михайловича — с широким воротником, шеренгой крупных пуговиц, с поясом, концы которого были засунуты в карманы. Словом, Кирилл Михайлович предпочитал одеваться классически. То же и Елена Саввична: ее серого цвета редингот с небрежно накинутой горжеткой, от которой душно пахло пушным зверем, больше походил на вещь из гардероба актрисы, чье амплуа — дамы прошлых столетий.

Остальные хозяйские вещи были втиснуты в шкаф-купе с зеркальными дверцами. Шкаф стоял в одном конце прихожей, а в другом — приземистый, но широкий комод с выдвига-

ными пузатыми ящиками и фальшивой этрусской вазой наверху. Рядом тянулось к потолку трюмо, увенчанное зеркалом, что удивительно, без какой-либо рамы. Снейдерс запрыгнул между флаконами духов, пудреницами и тюбиками с кремом и всмотрелся в свое отражение, что делал — чего греха таить! — и в Эрми-таже. Только там была мебель эпохи Людовика XIV, гардеробы из Баварии в стиле «барокко», венецианские зеркала, а здесь... Впрочем, собственная внешность, тем более что изменений в ней после переезда не обнаружилось, занимала его гораздо меньше, чем возможность провести лапой по гладкой, холодной и почему-то очень приятной поверхности. Туда, сюда, одной лапой, другой... Он готов был развлекаться долго, если бы не отвратительные в своей совокупности ароматы косметики, вынудившие его спрыгнуть на пол.

Напоследок обнюхав на коврике возле двери подозрительное пятно, очертаниями напоминавшее Африку, и так и не определив ни его происхождения, ни его связи с «черным континентом», Снейдерс телом отодвинул дверь в гостиную. Здесь было куда интереснее: старинная мебель с тонкой резьбой по дереву, легкие гардины на окнах, гравюры в изящных рамках, статуи Венеры и Марса с двух сторон от окна и много всего прочего, что обыкновенно ласкает взгляд завсегдатая художественных галерей. Каково же было его разочарование, когда при ближайшем рассмотрении все оказалось пусть и искусной, но подделкой. Хотя бы один подлинник! Просто для того, чтобы был. Можно не показывать гостям, можно показывать, — главное, без пафоса. Суть в том, что, когда рядом раритет, все вокруг становится гармонией и покоем. И испытываешь то высокое эстетическое чувство, какое один только подлинник вызвать и способен...

Кроме того, что раздражали крикливые в своей вторичности предметы, очень мешала хозяйка, которая буквально ходила по пятам и умилялась, кажется, всему, что бы он ни делал. Зевнет ли, потянется или выгнет спину, — она рада-радешенька, будто он и впрямь гениальный Франс Снейдерс или на худой конец Ян Вильденс — тот, чья кисть тоже поучаствовала в создании «Рыбной лавки».

Когда он обнаружил очередную подделку — гипсовые копии Венеры и Марса выдавали себя за античные, — то от негодования громко фыркнул, и тотчас за его спиной, словно надсмехаясь над ним, фыркнула Елена Саввична. Что же такое происходит? Как известно, животное за хвостом «как хвост за собакой». Здесь же все наоборот. Куда мир катится?..

Его упавший дух не подняла даже хорошая кормежка, в точности такая, какую давали эрмикам в музее. Правда, и тут хозяйка не отходила, едва ли в пасть не заглядывала. Ладно, пускай смотрит, если ей заняться нечем.

Худшее случилось позже. Он направился в туалет, местонахождение которого несложно было определить по запаху. А она — следом! Просто верх бестактности! Он уж и так и этак показывал, что сам справится, не промахнется мимо лотка с наполнителем. Она — ноль внимания.

После пережитого позора и речи не могло быть о том, чтобы продолжать экскурсию по дому. Оскорбленный, он нарочно выбрал лакейское место для сна — тот самый коврик с «африканским пятном», — чтобы дать понять этой Елене Саввичне, насколько вызывающе ее поведение. Отчасти это подействовало, поскольку она на руках перенесла его в гостиную, где уже была приготовлена лежанка — полосатый матрас у окна, возле которого стояли миски с водой и кормом. Местечко было что надо: самая большая комната, отличный обзор, мягко, а главное, тепло от отопительной батареи, расположенной на расстоянии вытянутой лапы. Это, конечно, не любимая коробка из-под обуви, но, дай срок, и до нее дело дойдет. Он еще заведет здесь свои порядки!..

Проснулся он посреди ночи и долго не мог понять, то ли он фламандский художник, который пишет одну и ту же картину, заканчивая ее и тотчас начиная сначала, то ли кот, которому приснился Франс Снейдерс за работой. Очень похоже на Чжуан-цзы с его притчей о бабочке во сне. Или он опять что-то напутал в этой хитрой китайской истории?.. Его размышления прервал неясный шум, раздававшийся из-за приоткрытой в кабинет двери, вкупе с сочившимся оттуда тихим светом, на-

верное, от настольной лампы. Снейдерс долго не решался заглянуть вовнутрь, мало ли чем обернется, а когда все-таки протиснулся в узкую щелку, то увидел хозяина, сидевшего к нему вполоборота за письменным столом, где горела, как он и думал, лампа под зеленым абажуром и там и сям были разбросаны листы исписанной бумаги. Сразу стало понятно и происхождение шума: Кирилл Михайлович нашептывал странные звуки, чаще всего повторялись «ить», «эк» и «семонк». Кроме того, он чесал голову, тёр подбородок и дергал себя за ухо. Временами он прекращал чесаться и дергаться ради того, чтобы, схватив ручку, начать что-то бешено записывать. Бешенства, однако, хватало ненадолго, и он опять возвращался к своим мантрам.

Кот расположился поодаль в тени тумбочки с разбросанными на ней книгами и журналами. Вообще, книги здесь были повсюду, в основном, конечно, в тяжелых мореного дуба шкафах, но и на кожаном диване, креслах и стульях они тоже присутствовали. Зачем их столько? Одно дело картина, где подлинная рука мастера, его цвета, его мазки, да и написана она в единственном экземпляре. А вот книги, они со времен Гутенберга всего лишь товары на полках магазина или инвентарные номера в библиотеке. Какая для них охрана, черт подери?.. И в этот момент, когда он уже был готов развернуться и продолжить смотреть «китайский» сон, его внезапно посетила мысль: у мышей и крыс, хоть они и жрут все подряд, особая любовь к произведениям искусства, а раз они с одинаковым рвением уничтожают книги и холсты, значит, и те и другие, во-первых, предметы культуры, и, значит, во-вторых, их нужно брать под защиту. Взвесив все «за» и «против», Снейдерс окончательно укрепился в правильности своей позиции и только удивлялся тому, как такое простое соображение не приходило на ум раньше...

Чего кот никак не ожидал, так это той резвости, с которой вскочил грузный Кирилл Михайлович и бросился к тумбочке. Снейдерс вжался в стену, где было немного темнее, однако Кирилл Михайлович, чем-то очень увлеченный, схватил одну из книг и тем же манером унесся назад.

Приступ кошачьей трусости был коротким и ничуть не повлиял на его решимость нести охранную службу. Уже вскоре он был у шкафа, ближайшего к письменному столу, и, чтобы привлечь к себе внимание, нарочито громко мяукнул. Кирилл Михайлович обернулся и расширил глаза, после чего, подхватив кота под живот, бросил его на дальнее кресло. Но не прошло и минуты, как кот, уверенный в необходимости своей миссии, уже сидел на спинке дивана, совсем близко от хозяина. Тот писал, морщил лоб и снова писал, пока не заметил, что у него появился усатый и хвостатый сосед. На этот раз Кирилл Михайлович лишь погрозил ему пальцем, дескать, не мешай работать. Снейдерс и не думал мешать. Он нашел себе сразу два занятия: изредка посматривал, как лист бумаги покрывается буквами, порой рисунками зверей и какими-то профилями, но главным образом он прислушивался, не раздастся ли откуда-нибудь то вкрадчивое отвратительное шуршание, которое ни с чем не спутаешь.

Следующую ночь Снейдерс вновь провел в кабинете. Хозяин смотрел на него снисходительно, похоже, стал привыкать. А то, что не гладил и не чесал брюхо, — так зачем солдату на посту эти нежности?.. Днем же обстановка была иная. Образ жизни Елены Саввичны теперь подчинялся одному: куда кот, туда и она. Снейдерс специально ускорял свои перемещения по квартире, но хозяйка, хоть у нее и появлялась одышка, старалась не отставать. Как только ей самой не надоедало? Конечно, до поры до времени потерпеть можно. Авось наиграется, нарежется, найдет себе другое развлечение.

4

— Опаздываем, — сказала Вика без интонации, будто объявила информацию для пассажиров.

— Вообще-то, нас там никто не ждет, — Ксюша, из-за которой, собственно, и опаздывали, одной рукой поправляла волосы, а другой — набирала эсэмэску на телефоне.

— Пунктуальность еще никто не отменял.

Если договариваемся на двенадцать, значит, на двенадцать.

Они прошли мимо памятника Достоевскому, мимо видневшихся вдалеке торговых рядов Кузнечного рынка, мимо Владимирского собора и на углу Колокольной улицы остановились.

— У них третий этаж?.. Тогда, скорее всего, вон те окна, — закончив с текстом и задрав голову, Ксюша всматривалась в огромное песочного цвета здание, главным фасадом выходящее на Владимирский проспект.

Поднялись, позвонили в широкую дверь с ручкой в виде кошачьего хвоста, на что Ксюша с улыбкой показала Вике. Открыл Кирилл Михайлович, который чистил обувь в прихожей, он был слегка удивлен, по-видимому, забыв об обещанном визите волонтеров. Впрочем, тут же появилась Елена Саввична, распахнув руки для объятий.

— О, девочки! Раздевайтесь, проходите. Мы сейчас чай организуем.

— Спасибо, но нам бы хотелось только на эрмика посмотреть, — заметила Вика.

— Одно другому не мешает, — Елена Саввична поспешила на кухню.

Пока грелся чайник, она показала ванную, туалет, комнаты и вернулась к кухонной плите, приговаривая, что гигиена для них сродни религии. Она в свое время даже хотела в медицинский поступать, а муж — тот вообще из семьи врачей.

— Словом, Снейдерс у нас под полным присмотром.

— А где же он сейчас? — спросила Вика.

Кот спал на матрасе рядом с батареей, нисколько не озабоченный приходом волонтеров. Выглядел спокойным, сытым и ухоженным.

— Если надо... — начала Елена Саввична, но Вика ее остановила:

— Пускай спит, не будем ему мешать.

— Правильно, — вставил свое слово Кирилл Михайлович.

— Наш приход, — продолжила Вика, — это, по существу, формальность. Нам сразу было понятно, что эрмик попал в хорошие руки.

— Тогда можно начинать, — Елена Саввична сделала приглашающий жест в сторону круглого стола, стоявшего в центре гостиной.

— Он у нас кот общительный, гостей не боится. Хотя... какие же вы гости? Вы для него свои, родные!

С хозяйской поспешностью она стала накрывать на стол и все никак не могла найти сахарницу, пока не обнаружила ее среди немытых тарелок на серванте. Из-за легкого смущения она лишь еще быстрее начала расставлять чашки и блюда, достала из того же серванта сухой шоколадный торт и ловко его порезала.

Разговор шел вокруг того, чем занимаются коты в музее, как часто их забирают, бывают ли случаи возврата котов от нерадивых хозяев. Если женщины вели беседу увлеченно, то Кирилл Михайлович откровенно маялся. Ни с того ни с сего он обратился к жене своим самым деликатным тоном:

— Леночка, ты не могла бы достать вишневую настойку — ту, что подарил мне автор книги о Реформации в Германии? Думаю, это никому не помешает?

— Кир, ты иногда удивляешь, — Елена Саввична покосилась на супруга так, словно у него была обычная русская болезнь, в равной мере знакомая профессорам и сантехникам. Однако, получив заверения, что им «по барабану», как неожиданно выразилась Ксюша, Елена Саввична с недовольным лицом направилась к буфету.

Выпив одну рюмку, другую и налив третью, Кирилл Михайлович приступил к тому, что, как ему казалось, требовало немедленного разъяснения.

— По роду деятельности мне приходится много писать... слишком много... А это такое тонкое дело... когда получается, когда не очень... Короче говоря, многое зависит от подготовки, настроения, от способности поймать нужный ритм, да еще бог знает от чего... Я уже говорил, дело тонкое...

Он выпил налитую рюмку, закусил печеньем из хрустального блюда и, как будто всматриваясь в какие-то потусторонние дали, продолжил:

— Так вот, в последние дни у меня стало получаться гораздо лучше, потому что... Я работаю обычно по вечерам или ночью, и ко мне теперь приходит наш кот...

— Ты об этом не рассказывал, — с непод-

дельной ревностью быстро произнесла Елена Саввична.

— Кот приходит, просто сидит рядом, ничего не делает... А я пишу, хорошо пишу... Мистика какая-то! — он снова потянулся к настойке.

— Никакая не мистика! — вдруг воскликнула Ксюша. — Эрмики, об этом многие хозяева говорят, меняют их жизнь. У них появляются новые интересы, они начинают читать, больше общаться, да просто гулять по городу. А раньше только и делали, что сидели дома и пилились в телек. Кстати! — опять воскликнула она. — Вы знаете историю эрмиков?

Кирилл Михайлович посмотрел на жену, та — на него, а затем оба уставились на эту разговорчивую девочку.

— Их привезли в Петербург по личному указу Елизаветы Петровны еще в середине XVIII века. Всего тридцать котов, которые должны были очистить строившийся Зимний дворец от мыше-крыс. И они очень быстро со своей задачей справились. Между прочим, все коты были из Казани. Знаете почему? Оказывается, там водилась особая порода — крупные, с мощной шеей, большой головой, отличные охотники на грызунов.

— А нынешние коты — они потомки тех первых? — Елена Саввична с некоторой опаской поглядела на спящего Снейдерса.

Ксюша рассмеялась:

— Всех эрмиков стерилизуют. Иначе, представляете, во что превратился бы Эрмитаж?

— Мы с моим молодым человеком недавно вернулись из Казани, — поделилась Вика. — В центре города стоит памятник коту Алабрысу — это персонаж татарских легенд и преданий. Вот он как раз из той породы. Посмотрите какков, — она пустила по кругу смартфон с фотографией развалившегося на подушках откормленного ленивца, над которым был балдахин, увенчанный мышкой с вертящимся на ее носу шариком.

— Что-то он не похож на грозу всяких тварей, — Кирилл Михайлович вернул телефон Вике.

— Просто такой художественный образ. Есть даже традиция... Видите, какое у него блестящее брюшко? Это туристы натирают, чтобы исполнялись заветные желания.

— А если, к примеру, начнут вас за нос дергать, утверждая, что таким образом приходит удача в финансовых вопросах или в любви — что вы тогда скажете?

— Ну, как можно сравнивать... Одно дело — памятник, а другое...

— Нет, голубушка, с ересью нужно бороться, потому что если ей потакать, то и до вашего носа доберутся, не сомневайтесь. Доказательство тому — наши экскурсоводы. Послушать их — так весь город из одних только примет и состоит.

Неловкость, вызванную речью Кирилла Михайловича, постаралась исправить жена. Она стала подливать всем чаю, выставила на стол еще и коробку шоколадных конфет, на которой был изображен кот с бантиком, после чего девушки быстро и лукаво переглянулись. Хозяйка закончила тем, что, усадив гостей на диван, предложила посмотреть альбом со старыми фотографиями. Не любивший альбомов, а точнее — собственных изображений, и особенно в молодости, когда он выглядел либо несмышленышем, либо зазнавшимся выскочкой, — Кирилл Михайлович удалился в кабинет.

Прием, которым Елена Саввична зачастую пользовалась, чтобы создать доверительную атмосферу, сработал и на этот раз. Заученными за многие годы фразами она кратко комментировала те снимки, где, как казалось ей и ее знакомым, она получилась наиболее выгодным образом. Девочки же комментировали по-своему: «Прямо как селфи», «Вау! Это вы?», «Прикольная фотка».

— Узнаете место?.. Да, Эрмитаж. Еще до свадьбы, вместе с подругой... Снова Эрмитаж, только чуть позже...

— Это же залы фламандской живописи, — с удивлением узнала Вика. — Точно, вот Рубенс, Йорданс, вот работа Снейдерса виднеется.

Ненароком все повернулись в сторону кота, который сейчас в позе блаженства и неги походил на казанского сородича Алабрыса, с той лишь разницей, что никакой мышки с шариком и в отдалении не было. После долгой паузы, в продолжение которой Снейдерс перевернулся к зрителям спиной, Елена Саввична произнесла таинственным голосом:

— У меня родилась замечательная идея.
 — Какая?
 — Это будет сюрприз. В первую очередь — для него, — она продолжала смотреть на кота, только теперь с предвкушением чего-то особенного. — Я уверена, ему придется по душе.
 Уже одеваясь в прихожей, девочки вручили Елене Саввичне упаковку «Kitekat» — обычный подарок волонтеров, когда они навещают эрмиков.
 — Чтобы лучше мышей ловил, — сказала провинившаяся Ксюша, поскольку именно она забыла достать из своего рюкзака корм, который следовало передать, как только они переступили порог квартиры.
 — Сколько здесь живем, мышей никогда не было, — с гордостью заявила Елена Саввична.
 — Их и в Эрмитаже нет, — развеселилась Ксюша. — Последних изгнали Алабрысы. А теперешние — они так, для отпугивания. Ну и вообще, уже брендом стали.
 В этот момент из гостиной вышел «бренд», и, вместо того чтобы, как подобает воспитанному музейному коту, вежливо попрощаться, он широко зевнул.

5

Жить, когда тебя окружают сплошные подделки, разумеется, можно, — но кому такая жизнь нужна? Взять, к примеру, женскую фигуру с факелами, что стоит в буфете на самом видном месте, мол, кто был в Эрмитаже, тот сразу узнает. Но, во-первых, там настольное украшение, где аж пятнадцать фигур, а во-вторых, украшение подарили императорской чете во время визита во Францию. Стало быть, можно утверждать с высочайшей долей уверенности, ансамбль был изготовлен в единственном числе и уж наверняка на отдельные части не разделялся. Получается, эта фигура с факелами имеет с музейной лишь то общее, что обе фарфоровые. Скорее всего, даже не в «антикварке» купили, а где-нибудь на блошином рынке. А соусница, которая по соседству с «севрским шедевром»? Смех, да и только...

Есть у показушников один прелюбопыт-

ный аргумент, а именно — постмодерн. Вот так — одним словом. Имеется в виду, что на произведение искусства надевают колпак с кисточкой, отрывают у него ухо, приделывают клоунский нос или еще какую-нибудь гадость, — и таким образом как бы получается новый арт-объект. Примитивный ход, обмануть которым можно лишь тех, кто сам обманываться рад. Правда, хозяева этим не грешат, они люди старой закваски и все новое модное им чуждо. Хоть тут повезло...

Услышав, как в дверном замке повернулся ключ, Снейдерс проследовал в прихожую, чтобы поприветствовать Кирилла Михайловича. В том, что это хозяин вернулся с работы, сомневаться не приходилось. Елена Саввична еще позавчера уехала к заболевшей подруге, той самой, которая тоже взяла эрмика, и собиралась пробыть у нее трое суток.

Кот без интереса наблюдал за тем, как Кирилл Михайлович снимает пальто, разувается, надевает домашние тапки... Дальнейшее было известно наперед: сначала приляжет поспать на часок, после чего основательно поужинает и лишь затем отправится в кабинет. Буквы, строчки, чьи-то профили... Только тогда и сделается интересно и будет что охранять и за чем приглядывать. Но этого еще ждать и ждать, и скорее крыса сожрет кота, чем Кирилл Михайлович хоть что-то поменяет в своих привычках.

Пока хозяин спал, кстати сказать, без малейшего звука, Снейдерс приблизился к тому, что висело в простенке между окнами и что он старался обходить стороной. Это и был обещанный Еленой Саввичной сюрприз.

Несколько дней она металась по городу, но искомое либо не попадалось на глаза, либо было не по карману. Наконец ей улыбнулась удача: едва войдя в небольшой магазин, где на витрине стоял манекен в образе художника, каким его представляет расхожее мнение — в широком берете, вельветовой куртке и с палитрой в руке, — она сразу увидела то, что нужно. И, хотя ее находка не продавалась, так как служила частью интерьера, ей удалось сторговаться с хозяином магазина, выложив не такие уж большие деньги. Домой она ехала на такси, настолько велик был ее сюрприз, и затем во-

дитель поднимал его на третий этаж, за что, естественно, получил отдельную плату.

Теперь сюрприз располагался в гостиной напротив двери, так что всякий входящий сразу же его замечал. Коту приходилось смотреть в пол, лишь бы не лицезреть это безобразие. Было достаточно первого впечатления, когда он увидел, почувал и моментально все понял. Да и как не понять, если обманом разит на весь дом?

Фальшивка, между прочим, в натуральную величину, хотя, конечно, рулеткой не мерил. А подлинник, на минуточку, почти три на три с половиной. Размеры-то совпадают, но рыба — не рыба, омар — не омар, устрица — не устрица.

Можно еще смириться с копией, потому что хоть и не рука старого мастера, но работал человек, писал маслом, старался в тон попасть и в цвет. А тут даже нет запаха краски, вернее, есть, но типографской. Поэтому, надо уточнить, фальшивка — не то слово. Просто поделка с конвейера, десять штук в минуту, и рама, пусть издали и красиво смотрится, оттуда же. Как у них эта вещь называется? Репродукция. Иными словами, размножение и еще раз размножение. Миллион картин, сто миллионов. И все — Франс Снейдерс, все — «Рыбная лавка». Разве это не кошунство?! Бог с ней, с фарфоровой статуэткой, бог с ней, с соусницей, но опошлять, делать штамповку, замахиваться на... Нет и тысячу раз нет! Нельзя быть стражем на помойке. Необходимо действовать...

Хозяин уже всю трапезничал. В отличие от сна, это упражнение он делал шумно, даже что-то напевал в паузах между поглощением пищи. Его рыхлая спина, заметно шире спинки стула, была неподвижна, в то время как крупная голова на несоразмерно короткой шее то и дело наклонялась к столу и после возвращалась на место. Иногда он громко выдыхал и вытирал губы салфеткой.

Судя по ароматам, ужинал он грибным супом, жареной картошкой с куртиной, какими-то сладкими булочками, вдобавок слышался еще слабый запах соленого сыра. Но вот наконец загремели вилки с ложками, раздались звуки убираемой со стола посуды, пос-

ле чего донеслись тяжелые шаги по направлению к кухне, а оттуда — легкие, будто он крался на цыпочках, в сторону кабинета.

Кот лежал без сна, однако, вопреки обыкновению, не последовал за хозяином. Не хотелось. И не хотелось, собственно, по простой причине... Теперешнее жилье, хоть его и отменно кормили, и спать давали вдоволь, не шло ни в какое сравнение с прежним. Тянуло назад. Едва он прикрывал глаза, как тотчас виделись дворцовые подвалы. Простор, свобода, общение с себе подобными и с теми, кто гораздо выше... Однажды спустился директор Эрмитажа, прошел между кошачьих спален молча, тогда как его сопровождающие без конца говорили, объясняли, куда-то показывали...

Пиотровский встал напротив коробки из-под обуви и дождался, когда оттуда появится кошачья голова. Он пожал Снейдерсу лапу, после чего тот вытащил и вторую, так что у них получилось нечто похожее на объятие. Жестом подозвав человека, который держал, точно поднос, малинового цвета коробочку, директор вынул оттуда медаль с изображением эрмика на фоне Зимнего дворца. Медаль, правда, долго не хотела крепиться на кошачью грудь, но все-таки зацепилась за шерсть, при этом слегка войдя в тело. Ничего, ради такого случая можно было и потерпеть. Не забыли и других котов, и Снейдерс с удовлетворением отметил, что их медали были куда меньше, да и надписи на них по своей значимости заметно уступали той, что шла по низу его награды: «За служение искусству». Он предпочел бы, конечно, более лаконичную и по-солдатски простую: «Верному стражнику», — но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят.

Между тем Пиотровский забрался по ступенькам на невысокий пьедестал, который откуда-то возник посреди помещения, а эрмики, кто снизу, кто сверху, расположившись на отопительных трубах, приготовились его слушать. Он явно собирался произнести речь во славу пушистого музейного войска и, уж само собою, отдельно упомянул бы Снейдерса как особо отличившегося стража культурных ценностей...

Тут Снейдерс проснулся. И опять возникла

та же дилемма: то ли он кот, то ли Пиотровский... Выбирать долго не пришлось, потому что из-за стены вместо обычного бормотания теперь раздавались два голоса, и к ним примешивался звук совсем иного и очень неприятного свойства. В один момент кот оказался в кабинете.

Если бы в другое время Снейдерс проявил здоровый кошачий интерес к незнакомцу, чей голос, быстрый и какой-то птичий, звучал почти непрерывно, — то сейчас он лишь отметил, что собеседник моложе хозяина, художав и от него несет козлятиной. Впрочем, все перебивал стоявший в кабинете крепкий винный дух.

Происходившее за столом не имело никакого отношения к Снейдерсу. Пускай хоть десять человек, пускай хоть обопьются. Его охота продолжалась.

Словно лев, он подкрался к одному из книжных шкафов, с задней стороны которого что-то вкрадчиво шуршало. Едва он занял исходную позицию, как звуки прекратились. Мышь, а может, и крыса, услышала его и затихла. Теперь нужно было терпеливо ждать, когда грызун поверит, что в безопасности.

6

Убедив себя в том, что работает, хотя за полчаса написал всего две строчки, да и те неудачные, Кирилл Михайлович на самом деле дожидался Евгения Львовича. Тот был известным в городе актуальным художником, чья творческая манера отличалась тем, что он дробил изображение на мельчайшие детали, тем самым «атомируя» людей, их лица, мебель в квартире, скамейки во дворе, улицы с их машинами, домами, пешеходами. По этой причине его сравнивали с Филоновым. Быть последователем, пусть и мэтра, ему вовсе не хотелось, и потому он задумал издать наиболее полный альбом своих работ, который доказывал бы его самобытность.

Когда Евгений Львович обратился с просьбой написать вступительную статью к альбому, Кирилл Михайлович был крайне удивлен. Его возражения, что он занимается литерату-

рой, отнюдь не живописью, тем более современной, вызвали у Евгения Львовича лишь задорный смех. Вновь став серьезным, он назвал Кириллу Михайловичу такую сумму гонорара, что в ответ только и можно было спросить: «Когда приступать к работе?»

С присущей ему дотошностью Кирилл Михайлович изучил новую для себя тему и высказался о творчестве художника на нескольких листах. Сегодня он поставил окончательную точку, о чем сообщил Евгению Львовичу по телефону. Тот отреагировал неожиданно, заявив, что немедленно выезжает. И вот уже стоял в прихожей, говорил о дрянной погоде, насморке и протекающих ботинках, заменить которые на новую пару никак не хватает времени.

— Отличное пространство, — войдя в гостиную, заявил он. — У вас можно прямо из эркера писать. Ах, какая композиция!

— Тише, Снейдерс спит, — Кирилл Михайлович показал на кошачью лежанку.

— Снейдерс?!

— Такое имя дали в Эрмитаже, откуда мы его взяли к себе.

— А это, — Евгений Львович кивнул в направлении «Рыбной лавки», — надо понимать, в его честь?

— Так сказать, ассоциативно связанные вещи...

Художник рассмеялся тихим блеющим смехом. Вообще говоря, Евгений Львович был похож на козла: удлинённая форма головы с широко посаженными глазами и парой в разной степени оттопыренных ушей, выдвинутая вперед нижняя часть лица и в довершение всего так называемая козлиная бородка. Забавно было то, что козлы обыкновенно выглядят грустно, тогда как Евгений Львович был козлом веселым.

Они прошли в кабинет, и художник с иронией поинтересовался:

— Кирилл Михайлович, а почему вы не пользуетесь компьютером? В наше время без него никак. Вот представьте: вместо того чтобы я мчался к вам на ночь глядя, вы бы просто переслали мне текст по электронной почте.

Кирилл Михайлович сел в свое рабочее кресло, указал на соседний стул гостю и начал молча собирать листы.

— Нет, в самом деле! — не унимался художник. — У вас и компьютер имеется, и все причиндалы к нему.

— Не компьютер, а пылесборник, — поправил Кирилл Михайлович. — Мне пытались показать, как им пользоваться, только, знаете, поздно уже переучиваться. Ничего лучше, чем ручка и бумага, для меня нет. Вот, кстати, бумага, — он пододвинул разложенные по порядку листы ближе к Евгению Львовичу.

— Немецкий экспрессионизм... упорно пишет каждый атом... — забормотал художник, выхватывая фразы из текста — ...соединение мертвого и живого... вселенная едина... погружение в анализ предметов... вместе и телескоп, и микроскоп...

Когда он закончил читать, откинулся на спинку стула, задрал кверху свою бородку и произнес в потолок с придыханием:

— Гениально...

Вернувшись в естественное положение, он и заговорил естественным голосом:

— Я думал, будут сложности с набором текста на компьютере, но у вас отличный почерк, прямо каллиграфический.

— Почерк у меня так себе. Пришлось переписывать черновик набело. Потому и задержка получилась... Только до сих пор не могу понять, для чего вам моя, не специалиста, рецензия понадобилась...

— Если вкратце... — художник замялся, подбирая слова. — Планируется много статей: искусствоведы и правоведы, живописцы и чиновники, психологи и священники, писатели и блогеры. Словом, как профессиональные ценители прекрасного, так и люди, далекие от живописи. А вот почему задуман именно такой формат, я вам рассказывать не стану, — он заблеял еще раз, одновременно с этим достав из своего миниатюрного портфеля, что было против всех законов физики, огромную литровую бутылку «Киндзмараули».

Евгений Львович произнес тост за прекрасные слова, найденные Кириллом Михайловичем, и их точное попадание в сердцевину его творческих поисков. В свою очередь Кирилл Михайлович ответил тостом за художественный непокой автора и его стремление в каждом объекте увидеть весь мир. Дальше выпивали за всех подряд художников, писателей,

искусствоведов и прочих, кто словом, а кто и делом принял участие в подготовке альбома. Вот только за блогеров Кирилл Михайлович пить отказался, увязав их с ненавистной ему пошлостью, поселившейся в компьютерах.

— Вы несозвучны сегодняшнему дню, — саркастически заметил художник.

— И не хочу, — пробурчал Кирилл Михайлович.

Не услышав его «не хочу», Евгений Львович продолжил с преувеличенной жестикуляцией выпившего человека:

— Нужно ли классическое искусство — к примеру, живопись, поскольку она мне ближе?.. Нужно ли? Будучи современным художником, я, казалось бы, должен ответить примерно так: к чему боготворить давно устаревшие формы, когда все вокруг изменилось — цвета, краски, люди, сама атмосфера... Но я отвечаю иначе: живопись старых мастеров сохраняет свою актуальность хотя бы потому, что нынешнему поколению необходим пример, как нельзя писать сегодня. Есть и еще одна причина, — от бурливших в нем эмоций на лбу выступил пот, который он поспешно вытер тыльной стороной ладони. — Картины прошлых веков — прекрасный материал для их переосмысления в новых условиях. Материал, обратите внимание, в прямом смысле слова. Мы берем, допустим, полотно Тициана или, если воспользоваться именем вашего кота, полотно Франса Снейдерса...

Кирилл Михайлович не был согласен ни с чем из сказанного, однако не спорил, просто перестал слушать. А не спорил он по той причине, что, во-первых, считал себя плохим полемистом, а во-вторых, был уверен, что в спорах рождается отнюдь не истина, скорее, неприятие и вражда. Словом, проявил себя если не мудрецом, то человеком с философским взглядом на жизнь.

Они вышли в гостиную, и художник попросил открыть эркер, не зная, что хозяйева открывают его только летом в хорошую погоду. Мелочиться Кирилл Михайлович счел ниже своего достоинства. Мало того, в порыве гостеприимства он распахнул еще и окна на улицу, чего вообще никогда не делали из-за крайней ветхости рам и их

возможного обрушения на тротуар или, упаси боже, на головы прохожих.

Евгений Львович вынул из кармана пачку сигарет и глянул на хозяина со значением, дескать, можно ли воспользоваться случаем. Тут же перед ним возникла серебряная тарелочка непонятно какого назначения, но больше всего похожая на пепельницу.

После грузинского полусладкого сигаретный дым был особенно приятен, и когда художник выпустил его струйку в свежий по-ночному воздух, то прищуривал глаза от удовольствия.

— С вашего разрешения, — сказал он, — я все-таки хотел бы написать отсюда городской пейзаж. Так и вижу: на переднем плане мощная колокольня Кваренги, которая занимает левую часть полотна, а на заднем — пятиглавый трезиниевский храм в классицистическом стиле, и храм как бы движется навстречу зрителю, почти срастаясь с верхним ярусом колокольни... Что скажете, Кирилл Михайлович?

— Стиль собора переходный от барокко к классицизму, — тихим голосом поправил хозяин и далее не смог удержаться: — Авторство Трезини подвергается серьезному сомнению со стороны видных историков архитектуры.

— А мне приятно думать, что Трезини, пока обратное не доказано.

— Извините, — вдруг насторожился Кирилл Михайлович, — в какой стилистике вы собираетесь писать?

— Разумеется, в своей. Разбивая пространство и вещество на молекулы и атомы. Так, чтобы разом было и внутри, и снаружи. Фундамент, кирпич, колокола, иконы — все в единой картине бытования!

И хотя Кирилл Михайлович написал немало лестных слов о творчестве актуального автора, его ужаснула сама возможность увидеть храм таким, каким был любой храм на тех работах, которые он изучал, готовясь к написанию рецензии. От былой его философичности не осталось и следа. Ведь эту церковь он любил с детства, и первое, что видел, просыпаясь утром, были купола и колоннады, и первое, что делал, надев тапки, это подходил к окну и раздвигал шторы...

— Что-то прохладно, — сказал он и поежил-

ся. — Давайте вернемся к «Киндзмараули».

Заковыристое грузинское слово далось уже с трудом, тем не менее он бодро прошествовал к столу и сразу налил себе и гостю.

Кирилл Михайлович выпивал, стараясь вернуть не столько ощущение пряного винного вкуса, сколько те хорошие чувства, которые были в начале застолья. Увы, перед глазами по-прежнему стояла безобразная картина Владимирского собора, которую, похоже, раз и навсегда нарисовало его воображение. И пусть только от него самого зависело, будет ли замысел художника перенесен на холст, что было осуществимо исключительно в случае его смерти, — Кирилла Михайловича это не успокаивало. Ни сумма полученного гонорара, ни шутки собеседника, ни «Киндзмараули» изменить положение дел уже не могли.

Соединив в нетрезвом сознании выпиваемый напиток родом со склонов Кавказских гор и уроженца тех мест Вахтанга Кикабидзе, Евгений Львович начал петь, вернее, нашептывать:

*Вот и все, что было, вот и все, что было,
Ты как хочешь это назови.
Для кого-то просто лётная погода,
А ведь это проводы любви...*

Таким же шепотом подхватил и Кирилл Михайлович. И, хотя на фоне перевиравшего все ноты гостя его пение можно было назвать образцовым, думал он только о том, как бы поскорее спровадить козлиноподобного авангардиста.

7

Как утверждают британские ученые, мыши и крысы — умнейшие существа. Если этому верить, тогда они должны отличать пьяных от трезвых. С пьяного-то что возьмешь? Пока они распевают песни, можно прямо у них под носом обделявать свои делишки. Даже не заметят. С другой стороны, нет никакой уверенности, что под видом специалистов с Туманного Альбиона не работает какая-нибудь организация, цели которой весьма далеки...

Стоп. Шорох?.. Так и есть. Сейчас звук оттуда, где шкаф примыкает к плинтусу. Уголок темный, труднодоступный, так просто не подступишься...

Несколькими плавными бесшумными движениями кот все-таки подобрался к предстоящему месту схватки. Теперь он был совсем близко и хорошо видел низ стены. Между шкафом и плинтусом был небольшой зазор, и на этом зазоре кот сосредоточил все внимание. Сначала там ничего не происходило, только слышалось легкое шуршание изнутри шкафа — похоже, закончив с книгами, зверь собирался выбраться наружу, — а затем появилась мелкая морда с шевелящимися усами. Расстояние от этой морды до небольшой дырки в плинтусе, которую Снейдерсу удалось разглядеть, измерялось одним мышинным броском. К тому же из-за узости щели кот сомневался, пролезет ли туда его лапа. Но тянуть дальше было нельзя...

Получилось синхронно: мышь рванулась, кот выпустил когти, — и за долю секунды все было кончено. Издававшую писк добычу Снейдерс подтянул к себе, и та, потрепыхавшись в его пасти, испустила дух. Не разжимая зубов, он выбрался на середину комнаты и, незамеченный двумя певцами, подошел к столу. Пришлось дожидаться, пока они закончат: «А ведь это проводы любви...» — а после нальют по рюмке вина и с видимым нетерпением выпьют. Тогда Снейдерс бросил добычу к ногам хозяина. Это напомнило ему картину, которую привозили на выставку в Эрмитаж, где воин в доспехах бросает к трону повелителя отрубленную голову противника. Исторические сюжеты часто перекликаются, а солдаты из века в век продолжают выполнять свой долг...

Его распирало от гордости. Наконец-то он сделал то, к чему все время готовился. Будто дозорный, предупредивший о появлении неприятеля. Или стражник, который поймал лазутчика из вражеского лагеря. Нет, ему не надо ни почестей, ни даров. Достаточно того, чтобы ценили его службу и знали — он всегда на посту...

Кирилл Михайлович воззрился на Снейдерса пьяными и ничего не понимающими глаза-

ми, а Евгений Львович, точно баба, завизжал и вскочил со стула. Немного придя в себя, он начал что-то орать и размахивать руками. Кирилл Михайлович словно бы не замечал его истерики и только и делал, что переводил взгляд с кота на мышь и обратно.

Вдруг гость что есть силы двинул ногой по хвостатому трупику, который, пролетев несколько метров, врезался в стену и упал на пол. Схватив свой портфельчик, Евгений Львович быстро пересек кабинет, погромел вещами в прихожей и напоследок громко хлопнул дверью. Кирилл Михайлович даже не встал, чтобы его проводить. Он по-прежнему пребывал в какой-то прострации, лишь шевелил да причмокивал губами. Затем он не глядя взял со стола бутылку и допил ее из горлышка до дна, чем привел себя в состояние крайнего беспокойства. Он хаотически перемещался по кабинету, выдвигал и задвигал ящики, открывал и закрывал створки шкафов, садился в кресла и тут же вставал. Остановиться его заставил труп грызуна, возле которого он замер и снова начал шевелить губами. Что из этого выйдет, он наверняка и сам не знал. Вышло, однако, отвратительно...

Кирилл Михайлович обнаружил Снейдерса сидящим на стуле, где до него сидел Евгений Львович. От стула до сих пор воняло козлятиной, и коту было интересно разобраться, из каких составляющих складывается этот запах.

Его научные изыскания были бестактно прерваны Кириллом Михайловичем. Он взял Снейдерса за шкуру и понес в неизвестном направлении. Кот знал много приемов, как вырваться, но пользоваться своими навыками не стал, ведь хозяин, тем паче после уничтожения поедавшего его книги грызуна, ничего дурного ему не сделает.

В ванной Кирилл Михайлович включил на полную мощь воду и, вертя котом в разные стороны, старался, чтобы струя била ему прямо в морду. Сначала подумалось, что таким грубым способом его моют, однако процедура чересчур затянулась и скорее напоминала пытку. Последние сомнения исчезли, когда они переместились в туалет, где хозяин начал его макать головой в унитаз. Подобного унижения не снес бы и любой уличный кот, не го-

воря уже о гордом Снейдерсе. Укусив своего учителя за руку, он вырвался в прихожую.

Теперь стало яснее ясного: то единственное, что требовало здесь охраны, а именно книги, охранять, оказывается, не нужно. Наоборот, наказывают не вредителей, а тех, кто их ловит. Правосудие шиворот-навыворот! Тогда и соблюдать другие правила нет необходимости. Делай, что хочешь, оставляй, что нравится, забывайся от ненужного хлама!

Начал Снейдерс с мелкой утвари. Летели вниз и разбивались тарелки и соусницы, чашки и вазы, фарфоровые фигурки и бокалы. Короче говоря, все то, что выдавало себя за ценное, не имея к тому никаких оснований, кроме пошлых амбиций хозяев. Необходимые в обиходе вещи, без претензий на старинное происхождение или художественную значимость, он не трогал. Последними Снейдерс обрушил гипсовые статуи Венеры и Марса, и те, будучи полами, разлетелись вдребезги.

Покончив с предметами, он перешел к уничтожению запахов. Но тут вышла незадача: спальня, где находилось средоточие всего пахучего, оказалась запертой. Второй очаг зловония — трюмо в прихожей — был доступен. Однако только сейчас пришло на кошачий ум, что невозможно избавиться от всяких флакончиков, не разбив их. А чего меньше всего хотелось, так это превращать квартиру в подобие парфюмерного магазина. Тогда, просто в знак протеста, он сбросил с трюмо все духи, дезодоранты и кремы на пол.

Дальше предстояло самое сложное, без чего все предыдущие усилия не имели никакого смысла. Надо было как-то забраться под самый потолок и сдернуть оттуда огромную репродукцию. Собравшись с духом, кот прыгнул на гардину, тонкая ткань которой сразу стала трещать и рваться. Тем не менее он достиг карниза, откуда было уже недалеко и до чертовой репродукции. Когда он очень осторожно двинулся в ту сторону, крепления карниза не выдержали, и вся конструкция с грохотом рухнула.

Падая, Снейдерс ударился о край широкого подоконника и теперь сидел на полу, ожидая, когда боль в боку поутихнет. Спустя нес-

колько минут он встал с ощущением, что снова готов действовать. Вот только как?.. Кот глядел наверх и перебирал варианты, каким образом очутиться на верхней перекладине картинной рамы.

В доме стояла ночная тишина за исключением ритмично повторявшегося «у-у-гэ-э-э», которое доносилось из-за стены. И было странно, что всегда беззвучно спавший хозяин, стоило ему только выпить, храпел как паровоз. Временами храп прекращался, и тогда Кирилл Михайлович как будто слышал звон посуды и какие-то удары, но уже через мгновение они становились частью беспокойных снов, где тоже гроыхало, взрывалось, превращалось в осколки.

Тем временем Снейдерс забрался на тумбу, оттуда — на буфет и застыл, готовясь к прыжку. То, что кот сделал дальше, иначе как цирковым номером не назовешь: с узкой поверхности буфета, с которой и оттолкнуться-то сложно, он перемахнул на тоненькую раму и закачался туда-сюда, словно акробат на трапеции. Как только равновесие восстановилось, он попытался когтями сбросить веревку с двух здоровенных вбитых в стену крюков, которые и держали «фламандский шедевр» на весу. Для такой работы его лапы, увы, не годились. Зато веревка, пусть и толстая, была ему вполне по зубам.

Грыз он долго, старательно, и, когда тяжеленная рама начала плавно заваливаться набок, а потом резко обрушилась, Снейдерс за миг до этого спрыгнул на пол и тем уберечься от разлетевшихся в разные концы деревянных реек.

Лежавший пластом прямоугольный кусок материи был перевернут тыльной стороной вверх. Сквозь ткань проглядывали знакомые очертания «Рыбной лавки». И хотя в таком положении даже ценитель живописи мог ошибиться, подумав, что перед ним непонятно как оказавшийся здесь оригинал, — кот нюхом чувствовал, что это фабричная поделка. Ре-про-дук-ци-я. Всего пять слогов, а сколько лжи и лицемерия. Рвать их на куски — прямая обязанность каждого эрмика!

С тех пор, когда, оказавшись на пенсии и как-то разойдясь в интересах с мужем, Елена Саввична стала откровенно скучать, — она завела привычку три-четыре раза в году навещать одинокую подругу. Жила у нее несколько дней, похоже, только к радости Кирилла Михайловича, и возвращалась домой, как она сама говорила, помолодевшей и обновленной.

На этот раз ехать Елене Саввичне не хотелось. Ухаживать за котом, играть с ним, наблюдать, какие у него привычки, было сейчас гораздо интереснее, чем вспоминать запущенные уже не по первому кругу истории. Однако, раз обещала приехать, ничего не поделаешь.

Она приготовила еду на неделю вперед, чтобы муж с котом не голодали, дала, как же без них, ценные указания, расцеловала Снейдерса, хоть тот и воротил морду, и уже на пороге крикнула: «Не забывай выключать газ!»

Пока ехала через весь город, никак не могла избавиться от неприятного чувства. Дело в том, что на вопрос Кирилла Михайловича, нельзя ли перенести поездку до той поры, когда кот окончательно обживется в квартире, — она ответила, что подруга больна и ей нужна помощь. Из-за этого вранья, тем более ничем неоправданного, Елене Саввичне было стыдно. И сделалось еще хуже, едва она увидела цветущую и беззаботную подругу. Ее вполне обычная болтливость казалась теперь невыносимой, ее шутки были не смешны, а манеры чересчур развязны. Намучившись с тем, как, слушая веселые истории и нелепые случаи, сохранять улыбку на лице и в то же время не показывать своего раздражения, Елена Саввична решила вернуться домой на день раньше срока.

Накануне вечером она позвонила мужу, однако он не отвечал, равно как и на несколько утренних звонков. Растревоженная его молчанием, она предпочла заказать такси, нежели тащиться почти полтора часа с пересадками.

Замок она открыла своим ключом и тотчас, поскольку дверь в гостиную была нараспашку, увидела дикие последствия разгрома. Ее охватил ужас такой силы, что, не раздеваясь, она бросилась с воплем:

— Кир, Кир, что случилось? Кир, ты где?

Кирилл Михайлович сидел на диване в кабинете. Он только что проснулся и теперь был в том состоянии, когда можно лишь держаться за большую голову и хмуро глядеть исподлобья. Так он и поглядел на вбежавшую жену и потянулся рукой к маленькому будильнику.

— Полдень, — сказал он непонятно кому.

Пока, не умолкая ни на секунду, жена продолжала бегать вокруг, Кирилл Михайлович взял графин с водой и выпил два стакана подруги, после чего заговорил более-менее внятным голосом:

— Ко мне вчера приезжал Евгений Львович. Ну, художник, ты его знаешь. Забрал вступительную статью для своего альбома, остался очень доволен. Потом посидели, выпили вина.

Он налил еще один стакан воды, а Елена Саввична вспыхнула:

— Так это вы с художником здесь устроили!

— А что? — он обвел взглядом кабинет. — Да, беспорядок, надо будет прибраться.

— Беспорядок?! — аж взвизгнула она. — Ты выйди за дверь, посмотри, какой беспорядок!

Вид гостиной, где, куда ни ступи, битое стекло да обломки, озадачил Кирилла Михайловича не на шутку. Он долго смотрел, переводя взгляд с растерзанной репродукции на расколотые вазы, с изодранных гардин на то, что раньше было тарелками, чашками, статуями, прежде чем с трагизмом в голосе тихо произнес:

— Какой кошмар... Но он не мог, он интеллигентный человек, живописец...

— Живописец, — повторила Елена Саввична с издевкой. — Этот живописец еще ответит за все, что он тут устроил. Не мне, суду ответит!

— О, черт! — Кирилл Михайлович наткнулся на рейку, которая с треском сломалась под его ногой, а вбитый в рейку гвоздь проколол подошву тапка. Пока он прыгал на одной ноге, держась за другую, его вдруг осенило: — Он ушел после того, как кот притащил мышь. Просто психанул и ушел.

— Какую мышь? — вполголоса спросила Елена Саввична.

После недолгих поисков труп зверька был найден лежащим около стены в кабинете.

— Гадость! — закричала Елена Саввична и

прикрыла лицо руками. — У нас никогда не было мышей. Откуда он мог ее приволочь?

Поскольку Кирилл Михайлович молчал, по-видимому, стараясь что-то вспомнить, жена высказала свою версию:

— Вы не закрыли входную дверь, а он выскочил на улицу — и вот... Гадость!

Она быстро вышла и вернулась с веником и совком. Избавившись от трупа, она продолжила допрос:

— Где же сейчас эта мразь Снейдерс?

— Бог его знает, — начал Кирилл Михайлович, но был остановлен мелодией телефона, доносящейся откуда-то издалека.

— А я тебе звоню вчера, сегодня, с ума схожу от волнения, не знаю, что и думать...

Кирилл Михайлович перебил жену:

— Это он в ванной лежит, — определил он на слух, но за телефоном не пошел.

Возвращаться к прежнему вопросу не пришлось, потому что Снейдерс объявился сам. Оказывается, после прихода Елены Саввичны он все время был в хозяйском кресле и, наверное, так и остался бы незамеченным, если бы, спрыгнув с кресла, не уселся посреди комнаты. От такой самоуверенности, граничащей с наглостью, хозяйка не знала, что и делать, лишь суживала глаза да нервно подергивала плечом. Неожиданно спокойным голосом она заявила, обращаясь к мужу, но продолжая наблюдать за котом:

— Это он.

— Что — он?

И так как жена не ответила, Кирилл Михайлович, догадавшийся и сам, о чем она говорит, решил все-таки уточнить:

— С чего ты взяла?

— Я чувствую, я знаю. Ты только внимательно посмотри на его морду и сразу все поймешь.

Настроенный более миролюбиво, Кирилл Михайлович вступился за Снейдерса, мол, жил кот в тепле и сытости, никогда ничего не портил, отчего же теперь ему громить вещи, — на что получил краткий ответ:

— Сейчас будем ловить.

То, что представлялось делом трудным, учитывая ловкость и бесстрашие Снейдерса, получилось легко и быстро. словно напоказ —

никого не боялся и не боюсь, — кот сам дался в руки хозяевам. Пока Елена Саввична ходила за переноской, муж крепко держал Снейдерса, хотя тот и не думал вырываться.

— Кир, не могу найти, — позвала из прихожей Елена Саввична.

Вскоре с ворчанием и с котом на руках появился муж. Он оглядел валявшиеся по всему полу парфюмерные принадлежности, среди которых была и расколотая пополам его электробритва, и от этого, казалось бы, пустяка пришел в ярость.

— Моя бритва, — кричал он, — моя любимая бритва! Мне ее на юбилей подарили. Ни разу не подводила, я с нее пылинки сдувал. Ах ты, сволочь, — закончил он устрашающим шепотком прямо в кошачье ухо.

— Кир, твоя бритва — ерунда. Здесь убытков на сотни тысяч.

— Держи, — он сунул кота жене, а сам, забравшись на стремянку, достал переноску с антресолей. Большая, с белым верхом и синим низом, с металлической решеткой с торца, она была по-своему красива.

— Вот в ней и поедет назад, — заявил Кирилл Михайлович.

— А я думаю, — тихо сказала жена, — ему не место в Эрмитаже. После того, что мерзавец вытворил у нас, представляешь, что он может устроить там?

— Тогда куда же его?

— Есть несколько вариантов, — начала она, но в этот момент в дверь позвонили. По-прежнему злой и взвинченный, Кирилл Михайлович спрыгнул со стремянки и с каким-то злорадством произнес:

— Неужто опять волонтеры? Сейчас из рук в руки и отдадим с благодарностью.

На пороге стоял давешний художник и имел вид раскаявшегося и глубоко несчастного человека.

— Здравствуйте... Я вашу рукопись вчера оставил.

— А, Евгений Львович! — приветствие прозвучало как угроза. — Не извольте беспокоиться, сей же миг принесу.

Этого мига оказалось достаточно, чтобы Снейдерс, одним рывком освободившись из женских рук, выскочил из квартиры.

— Держи его! — заорал художнику, который так и остался по ту сторону двери, выскочивший из гостиной Кирилл Михайлович. Но какое там! Прошмыгнув между ног актуального автора, кот прыжками понесся вниз. Все устремились за ним: дородный Кирилл Михайлович, нескладный Евгений Львович, Елена Саввична на высоких каблуках. Надежда была лишь на то, что дверь на улицу окажется закрыта и коту некуда будет деваться.

Они были уже близко и видели, как Снейдерс мечется в поисках выхода. Оставалось всего несколько ступенек бежавшему впереди Кириллу Михайловичу, когда раздался писк, с которым дверь всегда открывалась, и кот ринулся на свободу.

Запахавшиеся, они вышли следом. И было удивительно, что в парадную так никто и не зашел, что рядом вообще не видно людей и что в этот неурочный час раздается звон с колокольни Владимирского собора.

9

Может, их было много, этих тайных лазов, но он знал только один — тот, который находится неподалеку от парадного входа в Новый Эрмитаж. Туда он и юркнул, очутившись в небольшом темном помещении с какими-то распределительными кранами и стрелочными датчиками. Как всегда, он еле протиснулся в щель между стеной и трубами и после путанями, но знакомыми ходами выбрался в центральный коридор подвала. Издали он видел, как Зина насыпает еду в миски, слышал, как хрустят сухим кормом эрмики, и понимал, что ему надо дожидаться, когда закончится обед.

Уставший после того, как стремглав несся по городским улицам, он прилег поспать у теплой трубы. Когда же открыл глаза, то уже мыли пол, эрмики сидели в своих корзинках, и ветеринар Анна Петровна давала указания Зине на завтрашний день. Теперь оставалось лишь мысленно торопить эту медлительную уборщицу. Как только она уйдет, а уходила она всегда последней, можно будет двигаться дальше. Что касается котов, то он был уверен, что они его не выдадут.

Под взглядами эрмиков, которые выражали кто сочувствие, кто безразличие, кто радость от встречи, он прошествовал посредине кошачьей спальни. Эх, как хотелось поприветствовать тех, с кем дружил, и даже тех, с кем иногда дрался!.. Но сейчас надо было сосредоточиться на том важном и единственном, что предстояло совершить.

На выходе он оглянулся, отчасти чтобы проверить, нет ли где-нибудь поблизости строгой Анны Петровны, а главным образом для того, чтобы навсегда запомнить смотрящих ему вслед эрмиков, какими они были сейчас — милыми и наивными охотниками, чья добыча существовала только в их воображении.

Не прошло и пяти минут, как он нашел место в трубе, через которое прежде проникал в музейные залы. Теперь, как и следовало ожидать, дырку заделали. Некоторое время он искал стыки между трубами, где рабочие могли нарушить герметизацию. На этот раз везде было сделано на совесть. Вернувшись в исходную точку, он убедился, что трубопровод утеплен двумя слоями из пенопласта и стекловаты, а сверху покрыт изоляционной краской.

Как ему казалось, впереди была долгая и напряженная работа. Однако под острыми когтями утеплитель рвался с легкостью, удивлявшей его самого. Летели в разные стороны куски и ошметки, пока не показалась под внешней оболочкой стальная основа. И — о счастье! — дырка была там же, где и раньше. Он всегда верил в то, что даже самому суровому начальнику не победить разгильдяйство исполнителей.

В теплом потоке попутного ветра он перемещался очень быстро. В подмогу было и то, что сегодня включили не слишком сильный напор, в противном случае пришлось бы совершать акробатические этюды. Вопреки тому, что труба начала подниматься, движение не замедлилось, ибо как раз в этот момент повысилась сила давления воздуха. Так, без особых усилий, он добрался до медного колена, соединявшего отопительную систему с вентиляционной. Знакомая заслонка была задвинута, но он знал, что, стоит ее подцепить лапой, как она сразу откроется.

В отличие от его предыдущих путешествий,

заслонка не сдвинулась ни на миллиметр. Тогда он потянул энергичнее, потянул двумя лапами, вкладывая вес всего тела, и вскоре устал. Немного передохнув, благо здесь почти не дуло, он с новой силой принялся за дело. Вдруг его лапа сорвалась, и по гладкой поверхности он заскользил вниз и снова оказался в воздуховоде. Оттого, что ветром его понесло в ту сторону, где он никогда не был, поначалу сделалось страшно. Но он быстро успокоился, предоставив судьбе решать, что будет дальше.

В сущности, лететь в теплом потоке, не прилагая ни малейших усилий, было приятно. Да и в конце концов даже специалисты Эрмитажа в точности не знали, каким образом устроена система дворцовых труб и каналов. Может, его вынесет в Гербовый зал, или в Рыцарский, или в Галерею героев войны 1812 года... Везде, где бы он ни оказался, будет то, что нуждается в защите. И если мышей с крысами в музее нет, о чем давно нашептывал внутренний голос, только ему не хотелось слушать, — теперь он станет оберегать ценности от врага, как выяснилось, более опасного и изощренного, который бродит по залам миллионами, делая, и довольно искусно, вид, будто его очень интересуют полотна старых мастеров. В действительности же, только дай слабину, только сними охрану, враг поставит штучный товар на поток, и ползут с конвейера поделки, сувениры, бесстыжие копии...

Он летел все дальше и дальше. И воздух был уже горячим, труба расширялась, и вдали, казалось, был выход в огромный светлый зал, а в то же время нарастали странные звуки наподобие тех, какие издают крутящиеся с бешеной скоростью лопасти гигантского вентилятора.

Хаос

рассказ

Бывало, я приходил в бассейн к открытию и замирал возле бортика. Не хотелось разбивать идеально ровную поверхность, нарушать тишину плеском воды и теми звуками, которые издает на дорожке всякий не слишком умелый пловец, каковым, собственно, я и был. И хоть мне нужно было спешить, чтобы поплавать и вовремя оказаться на работе, я садился на деревянную скамейку рядом с разросшимся вверх и вширь фikusом. Вскоре появлялся кто-нибудь в резиновой шапочке и очках для плавания и без лишних раздумий превращал гармонию водной глади в хаос волн. А дальше было уже все равно: от пловцов и пловчих в воде тесно, шум поднимается под крышу бассейна, как вдруг — плеск, брызги, чей-то хохот! — это любитель острых ощущений, всегда крупный и с животиком, со всего размаху летит в воду...

Меня мало занимали местные забавы, впрочем, как и сами пловцы, и на этого немолодого мужчину я обратил внимание лишь потому, что наши графики посещений бассейна почти совпадали. Он приходил рано и всегда плавал широкими и медлительными движениями, словно боялся неосторожным рывком потревожить воду. Из-за его стиля плавания я про себя назвал его «гребцом». Несмотря на то что он был столь же крупен и с животиком, как иные прыгуны с бортика, в воду он погружался без суеты и, казалось, с радостным предвкушением, что вот сейчас поплывет, поймает свой темп и сразу забудутся тревожные мысли, словно бы запертые на время в шкафчике здешней раздевалки.

Мы часто двигались с ним по соседним дорожкам, и хоть, повторюсь, мое плавание было далеко от идеала, я обгонял его с легкостью. Когда мы плыли навстречу друг другу, — а он, в отличие от большинства пловцов, был без очков и перемещался по-старомодному, оставляя голову на поверхности, — я видел, как он изображает шутливое разочарование, дескать, куда ему за мной угнаться.

На дворе было лето, которое проникало в бассейн косыми солнечными лучами сквозь широкие окна под потолком. Преломляясь в воде, лучи создавали иллюзию, будто плывешь в море, недалеко от бере-

га, где вода как раз и бывает такой же нежно-голубой.

По утрам солнце играло на кафельной плитке возле спуска в бассейн. Перед тем как нырнуть, я ставил тапки так, чтобы после прохладной воды ощутить их приятный пластиковый жар. Однако у меня всякий раз вылетало из головы, что, пока купаюсь, солнце успевает сменить несколько окон. Так что однажды передо мною воссияла физиономия «гребца», который указывал на мои тапки, а затем на свои, оставленные с учетом перемещений небесного светила. Другой раз он показал мне из воды большой палец, когда я решил одолеть сразу несколько бассейнов без обстановки. И пусть между нами не было произнесено ни слова, я чувствовал в нем простоту и дружелюбие, и сам испытывал приязнь к этому непохожему на меня, а все-таки чем-то близкому мне человеку.

Когда он неожиданно прекратил появляться в бассейне, мне стало его не хватать. Едва касаясь бортика после очередного заплыва, я неизменно приподнимал запотевшие очки и смотрел в сторону лестницы, по которой из душевых поднимались пловцы и пловчихи. Среди разноцветья их купальных костюмов взгляд искал моего «гребца», натываясь в лучшем случае лишь на грубо сработанные подделки: тот же возраст, или та же залысина, или те же грузные очертания...

Прошло недели две, как «гребец» исчез. Я уже перестал думать о нем и лишь сосредоточенно отмеривал бассейн за бассейном. Все это время вместо привычного солнца за окнами висели тяжелые тучи либо едва слышно стучался в стекла унылый дождь. И вот, стоило только погоде вновь поменяться на солнечную, будто небеса сознательно чередовали декорации, — как «гребец» снова появился в бассейне. Еще с бортика он приветливо помахал мне рукой. Я же, обхватив пластиковый канат, разделявший дорожки, едва мог перевести дух после финишного рывка, тем не менее радовался и даже кричал что-то задорное. У меня было чувство, словно вернулся товарищ, словно мы дружны с раннего детства.

Тогда же я решил, что нам пора познакомиться. «Как так, — думалось мне, — видимся чуть ли не каждый день, а я до сих пор даже имени его не знаю!» Однако в тот день мы разминулись в воде. Настолько много было кругом пла-

вательных шапочек, брызг и визгливых детских голосов, что обстановка скорее напоминала южный пляж, чем городской бассейн. Встретить же его на выходе при полном отсутствии какого-либо общения представлялось мне дурным тоном. Да и куда было спешить, когда дальше у нас новые встречи?..

А дальше сами по себе наши отношения вошли в прежнее русло. Мы кивали друг другу, обменивались улыбками и дружескими жестами, каких собрали целую коллекцию, — но всегда издали, всегда молча, как будто дали обет, вступая в неведомый рыцарский орден. И тогда я подумал, что, наверное, так и должно быть. Вот появился рядом приятный человек, и ему ничего от тебя не нужно, и тебе от него, и вам обоим хорошо, и вы оба довольны. Разве не идеальная формула?..

Чем он занимается, мне довелось узнать по воле случая. Я отправился в театр, и, раз уж упомянул о случайности, то все сопутствующие обстоятельства — в какой театр я шел, с кем и что смотреть — кажутся мне лишеными всякого смысла.

В антракте меня привлек шум возле открытых дверей, отделявших фойе от театрального зала. Мужчина с тяжелой челюстью боксера и приплюснутым носом стоял по эту сторону дверей, что-то кричал и тряс билетом перед лицом администратора, который располагался ко мне вполоборота. Но вот он повернулся, чтобы позвать кого-то...

Его было трудно узнать в черном костюме, строгой рубашке и до смешного огромной бабочке, слегка сбившейся набок; вдобавок лицо с незнакомым мне выражением любезности и одновременно чем-то холодным во взгляде. И все-таки это был он, «гребец». Первое, о чем я подумал, — зачем же он так вырядился? И потом эта мысль, а точнее, разработка ее вариаций, не отпускала меня, явно не поспевая за событиями, которые разворачивались со стремительностью дурного фильма.

Прибжавшие охранники, оба тощие и невысокие, пытались схватить мужчину, но тот стряхнул их с могучих плеч. Затем он бросился к дверям, с противоположной стороны которых стояли, по-видимому, его жена в платье кофейного цвета и дочка лет десяти. Отвернувшись в сторону, девочка едва не плакала, тогда

как ее мать, изредка дергая ребенка за руку, шепотом вливая что-то в мужнино ухо. Внезапно он отпрянул назад и, одним резким движением убрав с дороги худосочных охранников, тут же оказался рядом с администратором. Тот распрямился, словно бы подчеркивая свой административный ресурс. От толчка в плечи администратор покачнулся и сделал шаг назад, а уже в следующий момент, вернувшись в исходное положение, он нанес, я точно видел, удар туда, куда обычно мужчин не бьют. Нападавший согнулся пополам, отчего стал легкой добычей охранников, к которым присоединились еще двое, заметно здоровее первых.

«Мразь», — сквозь зубы, но явственно высказался администратор. Заглянув в овальное зеркало с пышной рамой, он вернул бабочку на место и одернул свой безупречный пиджак. С той стороны, куда увели его обидчика, еще доносились голоса, особенно пронзительны были женские крики. И он, покончив с костюмом, поспешил на эти крики, а я отправился в зрительный зал, где уже начиналось второе действие.

«Всего лишь эпизод... — думал я, усаживаясь в кресло. — Эпизод, непонятно почему возникший и чем закончившийся». Однако, как ни старался я сосредоточить внимание на спектакле, где каждая сцена была продумана от начала до конца, — хаос, свидетелем которого я стал в антракте, никак не шел у меня из головы. Я ставил

себя то на место судьи, решая, кто прав, а кто виноват, то на место друга, без раздумий идущего на подмогу, то гуманиста, который всегда на стороне проигравшего, то созерцателя, чей взгляд сколь внимателен, столь и безразличен...

Продолжая размышлять об этом, я шел по улице. Был теплый субботний вечер, и навстречу мне неторопливо двигались люди — сотни и сотни молодых и старых лиц, улыбающихся и хмурых, с потухшими или ясными глазами. Одни из них были мне симпатичны, другие не очень; при этом я отчетливо понимал, что это не имеет никакого значения, что их пестрой мозаике никогда не сложиться в единую картину, как хаосу никогда не стать гармонией. Почему я так думал? Да потому, что впервые с такой ясностью чувствовал: мимо меня проходят непознаваемые ни в любом своем проявлении, ни в своей сущности миры и миры, лишь по чьей-то прихоти или из-за стремления к единству формы, а может, просто по ошибке, имеющие один и тот же человеческий облик.

□

Дмитрий Михайлович ТАРАСОВ

родился в 1965 году в Ленинграде.

Работает редактором в телекомпании «Петербургское телевидение».

Прозаик.

Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Новая Юность»,

«Москва», «Север», «Сибирские огни», «Дон», «Крещатик»,

«Зинзивер», «Северная Аврора» и других.

Рассказы переводились на сербский язык.

Автор романов «Пятый Собор»

и «Сергей Павлович Королев, который работает консьержем»,

вышедших отдельными книгами,

а также сборника рассказов «Считая до ста».

Член Союза писателей России с 2011 года.

